

МАРК КОНСТАНТИНОВИЧ АЗАДОВСКИЙ¹

Марке Константиновиче Азадовском я слышал еще до поступления на филологический факультет Ленинградского университета. О нем рассказывал мне мой брат В.В. Чистов. Он с 1934 г. учился в университете² и с первого курса увлеченно работал на незадолго до этого открывшейся кафедре русского фольклора. С 1935 г. он начал участвовать в фольклорных экспедициях.

До поступления в университет мне удалось прочитать и некоторые работы М.К. Азадовского — это был двухтомник, изданный в издательстве «Academia», «Русская сказка. Избранные мастера»³ и статьи о сказках Пушкина и Арине Родионовне⁴. Двухтомник, как мне помнится, брат приносил из библиотеки, приобрести его удалось только позже; а статьи о Пушкине заинтересовали меня особенно, так как в конце 1936 и начале 1937 гг., когда я учился в десятом классе, мне пришлось выступать с лекциями и чтением пушкинских стихов на предприятиях Детского Села (с 1937 г. — г. Пушкин). В связи со 100-летием дуэли и гибели великого поэта пушкинский юбилей отмечался очень широко.

---

¹ Впервые опубликовано: *Чистов К.В.* Из воспоминаний о М.К. Азадовском // Воспоминания о М.К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 59–78.

Марк Константинович Азадовский (1888–1954) — выдающийся фольклорист, заведующий кафедрой фольклора Ленинградского государственного университета, заведующий отделом фольклора Института литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

² Кафедра фольклора была создана в 1934 г. при Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ), который в том же году был преобразован в Ленинградский институт философии, литературы, лингвистики и истории (ЛИФЛИ). В 1937 г. ЛИФЛИ вошел в Ленинградский государственный университет, образовав там филологический факультет.

³ См.: *Русская сказка: Избранные мастера* / Ред. и комм. М.К. Азадовского. Л., 1932. Т. 1–2.

⁴ См.: *Азадовский М.К.* Источники сказок Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. С. 134–163; *Азадовский М.К.* Сказки Пушкина // Пушкин А.С. Сказки. Л., 1936. С. 105–141; *Азадовский М.К.* Литература и фольклор: Очерки и этюды. Л., 1938 и др.

В эти же годы — с января 1935 г. — мне посчастливилось быть причастным к замечательному и своеобразному детскому литературному клубу (он назывался Детский литературный университет), организованному С.Я. Маршаком. После литературного конкурса газеты «Ленинские искры» были отобраны из Ленинграда и ближайших пригородов, кажется, около 30 мальчиков и девочек. Мы собирались обычно два раза в неделю по вечерам в старом здании на Исаакиевской площади и занимались языками, слушали литературные и всякие другие лекции, обсуждали свои стихи и рассказы. Кроме того, С.Я. Маршак иногда просто приходил с какой-то книгой (стихами Боратынского, Тютчева, Верхарна, Уитмена и т. д.), читал нам стихи по-русски, по-французски или по-английски и в переводах и говорил о том, как он их понимает и как их надо понимать. И, наконец, он любил приводить к нам интересных людей. Среди них были известный полярный исследователь В.Ю. Визе, писатель и пушкинист А.Л. Слонимский, челюскинцы, архангельский писатель Б.В. Шергин, Л.И. Пантелеев и многие другие. Среди них оказались и крупнейшие северорусские сказители, приезжавшие в те годы в Ленинград, — певец былин П.И. Рябинин-Андреев, исполнитель былин и сказочник Ф.А. Конашков. Они меня чрезвычайно заинтересовали. После нескольких лет типичного мальчишеского рационализма, заставлявшего меня отвергать сказки и показавшиеся мне в школе совершенно неинтересными былины, я вдруг увидел старых людей, которые с удивительной серьезностью и вместе с тем с артистизмом и явным удовольствием поют былины и рассказывают сказки. В живом исполнении это было что-то совсем новое и увлекательное, мало похожее на чтение сказок из детских книжек или, тем более, чтение былин в школьных хрестоматиях.

Таким образом, чтение первых ставших мне доступными работ М.К. Азадовского, встречи со сказителями и рассказы брата о фольклорных экспедициях увлекали меня в одну и ту же сторону. Я поддался этому юношескому увлечению и остался верен ему всю жизнь.

Поэтому, когда с братом и родителями я обсуждал, какую мне выбрать специальность, куда пойти учиться после десятого класса, я без колебаний назвал филологический факультет, и было решено: необходимо убедиться в том, что я не ошибся в выборе, и побывать хотя бы на нескольких лекциях в университете. Так я попал на лекции Г.А. Гуковского, Д.Е. Тамарченко и, конечно, М.К. Азадовского — это была одна из лекций по истории русской фольклористики.

М.К. Азадовский не обладал таким ошеломляющим красноречием, как Г.А. Гуковский, но меня поразила серьезность и исто-

рическая глубина проблем, которые в его лекциях связывались с проблемами фольклора. Первобытность, сравнительные материалы из фольклора других народов, связь фольклористики с проблемами русской литературы и общественного движения XIX в., современное бытование фольклора — все это увязывалось в единую по своим масштабам концепцию, еще совершенно незнакомую и не вполне понятную мне. Но зато я со всей ясностью ощутил: фольклор не только интересен, о нем существует серьезная наука. Это окончательно определило мой выбор. Я решил идти на филологический факультет для того, чтобы заниматься фольклористикой у М.К. Азадовского. Я понимал вместе с тем, что это не только не отвлечет меня от других моих литературных интересов, но придаст им неожиданные краски. В этом я убедился, читая одну из курсовых работ моего брата Василия «Пушкинский “Узник” в фольклоре». И в этом смысле я тоже не ошибся.

Вокруг М.К. Азадовского сложилась многолюдная, но тесно связанная друг с другом группа студентов разных курсов — члены фольклорного кружка и семинара. Все они работали при кафедре, но вместе с тем М.К. Азадовский поощрял параллельную работу в других семинарах. Так, на первых четырех курсах я побывал в семинарах Г.А. Гуковского, Б.М. Эйхенбаума, В.Е. Евгеньева-Максимова, слушал спецкурсы В.М. Жирмунского, В.А. Гофмана.

Я позже понял: это не был просто педагогический прием. Марк Константинович сам был литературоведом в такой же степени, как фольклористом. Его работы по XIX в. (декабристы, Тургенев, Омулевский, Короленко и др.) первоклассны. Впрочем, достаточно почитать его двухтомную «Историю русской фольклористики», чтобы представить себе, сколь обширны были его познания в истории русской литературы.

Характерно вместе с тем, что М.К. Азадовский после того, как в 1938 г. при филологическом факультете была открыта кафедра этнографии, рекомендовал своим ученикам ходить на лекции Д.К. Зеленина, Е.Э. Бломквист, П.Н. Винникова. Вопрос о том, что есть фольклористика: филологическая наука (раздел литературоведения) или наука этнографическая — вообще не стоял, тем более в том виде, в каком его много раз возбуждали позже некоторые фольклористы. Кстати, когда мне через несколько лет пришлось быть аспирантом при той же кафедре, мы сдавали кандидатский минимум, который охватывал и литературоведческую, и этнографическую, и собственно фольклористическую проблематику. Понимание фольклористики как науки одновременно филологической (словесные тесты) и этнографической (они функционируют в народном быту) было для М.К. Азадовского само собой разумею-

щимся. Как известно, в студенческие годы, учась на филологическом факультете, он, как тогда говорили, приватно занимался этнографией (в том числе и этнографией Сибири) у Л.Я. Штернберга.

Но возвратимся назад. В 1937 г. я стал студентом филологического факультета. В конце сентября в первый раз при мне собрался фольклорный кружок — на нем слушались предварительные доклады об экспедициях прошедшего лета. Тут я впервые встретился с большинством предвоенных учеников М.К. Азадовского (с некоторыми из них — сокурсниками моего брата — я был уже знаком): А.Д. Соймоновым, Г.Н. Париловой, М.М. Михайловым, В.Р. Дмитриченко, Н.В. Новиковым, А.М. Кукулевым, О. Володиной, М.А. Шнеерсон, И.М. Колесницкой, И.Н. Этиной и др. Четверем из своих учеников, погибшим в годы Великой Отечественной войны, М.К. Азадовский посвятил свою двухтомную «Историю русской фольклористики». Посвящение гласит: «Светлой памяти моих учеников-фольклористов, павших в боях за родину: Анатолия Кукулевича, Ивана Кравченко, Ольги Володиной, Михаила Михайлова посвящается»⁵.

Заседания проходили весьма непринужденно. Доклады начальников отрядов переходили в общую беседу, расспросы. М.К. Азадовский — известный собиратель с большим экспедиционным опытом — в эти годы в «поле» уже не ездил, но надо было видеть, с каким интересом он расспрашивал вернувшихся из экспедиций. Его радовала увлеченность молодежи, и глаза его светились лаской и открытым удовольствием, когда он видел, что записано что-то особенно интересное и записавший смог это оценить. Видны были не только тексты, но и значительные исполнители, особенности их репертуара и сказительской манеры, отношение к ним односельчан, приемы записи. Почти все было мне внове и слушалось с необыкновенным интересом.

Во втором полугодии начались лекции по фольклору. Курс М.К. Азадовского был настолько содержательным, что к концу полугодия я со всей наивностью считал себя фольклористом. Я прочитал всю рекомендованную литературу, читал сборник за сборником текстов и, пользуясь советами брата, старался как можно больше прочитать классических фольклорных монографий. Это стимулировалось также тем, что довольно значительная часть курса русского фольклора отводилась истории русской фольклористики. Я еще не знал тогда, насколько это необычно. Поэтому, когда начались систематические курсы по истории русской и зарубеж-

---

⁵ Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 19.

ной литературы, мне казалось, что им не хватает историографических введений или рядом с ними (*перед ними?*) должен был бы читаться курс истории литературоведения.

Позже я понял, что такое внимание к историографии было связано у Марка Константиновича, помимо всего прочего, с тем, что в эти годы он работал над «Историей русской фольклористики». Однако это все-таки недостаточно объясняет то влияние, которое оказало на меня и моих товарищей — учеников М.К. Азадовского — такое построение курса. Марк Константинович приучил нас не ожидать от него непрерывного изречения истин. Когда какая-то проблема ставилась, то тут же демонстрировались ее различные решения, которые предлагались учеными, принадлежавшими к разным школам и направлениям. Каждая проблема таким образом получала историческую перспективу, а отдельные ее решения не представлялись только ошибочными, они получали историческую мотивировку. Часто (если не обычно) оказывалось, что они содержат все-таки какое-то рациональное зерно, отражают какую-то сторону вопроса, иногда в гипертрофированном виде, но все-таки реально существующую. Это приучало что-то принимать, а что-то не принимать, не считать, что есть раз и навсегда установленные истины (или, скажем мягче, решения отдельных проблем), что наука динамична и нас ждут свои решения. Только сейчас можно по-настоящему оценить, как это было важно на фоне нараставшей догматичности общественных наук того времени.

Вероятно, это все так прямо не формулировалось, но так отложилось в сознании, так об этом теперь вспоминается. Круг учеников М.К. Азадовского, в котором я оказался, был очень активен. Вопросы, возникавшие в семинаре, на занятиях кружка, на лекциях, продолжали обсуждаться в перерывах, после занятий и, как я узнал позже, особенно рьяно во время экспедиций. Одна из постоянно и остро обсуждавшихся проблем могла бы иллюстрировать и горячность, и незрелость наших тогдашних споров: почему Марк Константинович придает такое значение истории науки, ее самопознанию? Является ли это показателем кризиса фольклористики или, наоборот, ее развития, приобретения ею разносторонности? Нам тогда трудно было понять, что то и другое могло совмещаться, переплетаться и не противоречить одно другому. Надо учесть, что все это происходило на фоне 1937–1938 гг., для которых характерно было обострение национально-патриотических настроений, связанных с явно приближавшейся войной, и вместе с тем исключительно сложных и противоречивых внутренних событий.

Полугодие заканчивалось, дело шло к экзаменам. И вдруг оказалось, что они меня пугают. За год я успел познакомиться с Марком Константиновичем, ходил на занятия его кружка, на заседания его кафедры и мне казалось, что он считает меня своим потенциальным учеником.

Если я чувствовал себя хоть маленьким, но уже каким-то фольклористом, а Марк Константинович видит во мне своего ученика, то сколько мне надо знать, чтобы не подвести его? И я начал не просто читать фольклористические книги, а лихорадочно готовиться к экзамену.

Экзамен я сдал хорошо. Марк Константинович дважды прерывал меня, говорил: «Ну, хватит, хватит, я вижу, что Вы это знаете!». После первого вопроса он позвал Наталию Павловну Колпакову послушать, как отвечает один из членов кружка. Она была в это время заведующей кабинетом фольклора и очень приветливо относилась ко всем, кто интересовался фольклором и постоянно занимался в кабинете⁶.

Экзамен кончился для меня вполне благополучно — я получил «5». Марк Константинович не знал тогда, что эту пятерку мне пришлось «оплатить». Студенты могли в те годы сами решать, в какой из тех дней, которые объявлены профессором, они будут экзаменоваться. В ту сессию мне полагалось сдать какое-то количество зачетов и три экзамена. Один из них я сдал досрочно. 24 дня, которые у меня образовались для сдачи оставшихся двух, я распределил так — 20 дней отвел на фольклористику и только три дня — на политэкономия. Оказалось, что, несмотря на занятия в году (чтение «Капитала» и т.д.), трех дней для политэкономии было мало, а никаких возможностей маневрировать у меня уже не осталось. Я явился на экзамен измученный и усталый. Преподаватель выслушал меня терпеливо и, улыбаясь, спросил: «Вы довольно старательно выкручиваетесь, но скажите честно, сколько дней Вы занимались перед экзаменом?». Мне пришлось ответить: «Три дня...». — «Ну, — сказал он, — такова и цена Вам!». И поставил мне в зачетную книжку тройку — единственную для меня тройку за все время учебы в университете.

---

⁶ Наталья Павловна Колпакова (1902–1994) — фольклорист, специалист в области лирической песни и свадебного обряда. Как ученый сложилась в 1920-е годы в Государственном институте истории искусств. В 1930-е гг., после увольнения из ГИИИ, работала в различных библиотеках Ленинграда. В 1939 г. была приглашена М.К. Азадовским на кафедру фольклора Ленинградского государственного университета на должность заведующего кабинетом народного творчества. В 1953–1967 гг. научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Марк Константинович, кажется, действительно не знал об этой тройке. Экзамен по политэкономии был после фольклорного. По крайней мере, мне он об этом ничего не говорил и ни о чем не спрашивал. Сейчас я с некоторым сомнением размышляю об этом, так как у М.К. Азадовского очень развито было то, что можно было бы назвать «чувством учителя». Его ученики должны были составлять «школу Азадовского». Он следил за ними с интересом и некоторым напряжением. Мы должны были быть достойны его. Поэтому он мог остановить в коридоре кого-нибудь из своих учеников и спросить с огорчением: «Как же Вы могли получить тройку по французскому языку? Мои ученики так не учатся». Но, может быть, к моменту экзамена он не считал еще меня своим учеником?

Марк Константинович очень заботился о нас и радовался каждому нашему успеху. В послевоенные годы ему, отягощенному болезнями, трудно было после занятий нести портфель, обычно туго набитый книгами и рукописями. Мы стремились ему помочь, а Марк Константинович любил назначать провожавших по очереди. Жил он в это время на углу Невского и улицы Герцена. Это было сравнительно недалеко, но все-таки надо было дойти от филологического факультета до Дворцового моста, обогнуть Адмиралтейский сад и по Невскому дойти до бывшего дома Елисеева на улице Герцена. По дороге задавался традиционный вопрос: «Ну, что же Вы читали за последний месяц по фольклористике?», и далее следовала интереснейшая беседа о прочитанном или о готовившейся курсовой или дипломной работе, о диссертации, об экспедиционном отчете или, наконец, о какой-нибудь уже сочинявшейся статье или рецензии.

Эти беседы незабываемы. Они не только держали нас в постоянном напряжении («Что я читал за этот месяц по фольклористике?»), но и учили обдумывать прочитанное, выяснять какие-то путные вопросы, накапливать сомнения и аргументы.

Марк Константинович не только радовался успехам своих учеников, но и любил демонстрировать их своим коллегам по факультету или фольклористике. Помню, как он смутил меня в дни юбилейного съезда Всесоюзного географического общества (1948 г., Ленинград). В перерыве между заседаниями фольклорной секции П.Г. Богатырев рассказал Марку Константиновичу о том, что одна из его аспиранток пишет диссертацию об олонекких причитаниях, и попросил проконсультировать ее. Марк Константинович тут же позвал меня и велел консультировать аспирантку Богатырева. Это означало: посмотрите, мой аспирант консультирует аспирантку Богатырева! Я же только начинал заниматься И.А. Федосовой и причитаниями и вовсе не считал, что я могу кого-то консультировать. Но пришлось, напрягаясь, как говорят, из последнего.

Помню, как мне досталось от Марка Константиновича за рецензию на «Спутник фольклориста» В.Ю. Крупянской и В.М. Сидельникова, написанную вместе с братом и опубликованную в 1939 г. в «Резце»⁷. Побывав в двух экспедициях (а брат, вероятно, в четырех-пяти), я вообразил себя знатоком методики собирания фольклора и под руководством брата разносил в пух и прах методичку В.Ю. Крупянской и В.М. Сидельникова. Это была юношеская дерзость, и Марк Константинович дал мне понять это. Это был мой «Ганс Кюхельгартен»⁸, и сейчас я бы с удовольствием скупил тираж журнала для уничтожения его. Но уже поздно. Хорошо, что этот эпизод основательно забыт. В послевоенные годы, когда я близко познакомился и даже подружился с В.Ю. Крупянской⁹, она время от времени напоминала мне о нем и подшучивала над моей юношеской отвагой.

В аспирантское время, когда как-то раз надо было составить еще весьма скудный список работ, я спросил, упоминать ли мне об этой рецензии. Марк Константинович сказал суховаато: «Придется!», но потом все-таки хитровато улыбнулся.

Не надо думать, что Марк Константинович нянчил нас. Он стремился скорее приобщить нас к делу и к самостоятельности. Он удивительно умел вовлекать своих учеников в подлинные дела и избегать столь распространенной в учебных заведениях «игры в науку» — пишутся сотни курсовых и дипломных работ, а потом все оказываются в мусорной корзине. Исключений не так уж много.

Я не знаю ни одного довоенного (да и послевоенного) филологического семинара, участники которого столь активно печатались бы. Так, М.М. Михайлов, погибший в годы войны, в студенческие годы собрал уникальный материал и издал сборник «Русские плачи Карелии», Н.В. Новиков — один из лучших сборников русских сказок «Сказки Ф.П. Господарева», Г.Н. Парилова и А.Д. Соймонов — «Былины Пудожского края», В.В. Чистов — «Творчество народов Карело-Финской ССР»; еще ранее Л. Громов, А.Д. Соймонов и В.В. Чистов выпустили весьма своеобразный сборник «Песни и сказки на Онежском заводе», И.М. Колесницкая вместе с М.К. Азадовским издала «Сказки Магая». Со-

---

⁷ См.: Чистов В.В., Чистов К.В. [Рец. на кн.: Крупянская В.Ю., Сидельников В.М. Спутник фольклориста: Методическое пособие. М., 1939] / Резец. 1939. № 13/14. С. 32. Это первая публикация К.В. Чистова.

⁸ «Ганс Кюхельгартен» — ранняя юношеская поэма Н.В. Гоголя, написанная в подражание стилю немецкого романтизма и встретившая после опубликования резко отрицательные отзывы критиков. Тираж изданной поэмы был скуplen Гоголем и сожжен.

⁹ Вера Юрьевна Крупянская (1897-?) — московский фольклорист; работала в Фольклорном архиве Государственного литературного музея.

всем перед войной — в 1939–1941 гг. — готовились сборники «Сказки Ф.Н. Свиньина» (В.Р. Дмитриченко), «Беломорские сказки» (И.М. Колесницкая и М.А. Шнеерсон), «Былины и исторические песни И.Т. Фофанова» (К.В. Чистов). Война помешала публикации этой «второй очереди» сборников. Я не упоминаю при этом статьи и библиографические работы (например, по рабочему фольклору — А.Д. Соймонова и В.В. Чистова), публиковавшиеся в студенческих томах «Ученых записок филологического факультета ЛГУ»¹⁰, и отдельные рецензии и заметки в самых разных изданиях.

Самым талантливым предвоенным учеником М.К. Азадовского был, несомненно, Анатолий Михайлович Кукулевич. Досадно, что его жизнь сложилась так, что деятельность в области фольклористики и литературоведения была слишком коротка. Он смог только довольно поздно, в 1934 г., поступить в университет — препятствием, существенным для конца 1020-х — начала 1930-х годов, было его дворянское происхождение. Но пришел он на филологический факультет по существу уже зрелым ученым, чрезвычайно образованным и даровитым. Его интересы были весьма широки — от античной филологии до русского фольклора, литературы начала XIX в. и Достоевского. После окончания университета (его приглашали в аспирантуру три кафедры — античной филологии, русской литературы и русского фольклора) он был призван в армию и в 1944 г. погиб. Он успел напечатать только статьи «Источники баллады Пушкина “Жених”», «Из творческой истории баллады Пушкина “Жених”» (обе в соавторстве с Л.М. - Лотман) и «Идиллия Гнедича “Рыбаки”»¹¹.

---

¹⁰ Имеется в виду ротационное издание: Студенческие записки филологического факультета Ленинградского государственного университета. Л., 1937. Здесь были опубликованы студенческие работы Л. Громова, И.М. Колесницкой, А.М. Кукулевича, Л.М. Лотман, М.М. Михайлова, Н.В. Новикова, А.Д. Соймонова, В.В. Чистова, И. Этиной. Не исключено, что существовали и другие «самиздатовские» номера «Студенческих записок».

¹¹ См.: *Лотман Л.М., Кукулевич А.М.* Источники баллады Пушкина «Жених» // Студенческие записки филологического факультета Ленинградского государственного университета. Л., 1937. С. 90–111; *Кукулевич А.М., Лотман Л.М.* Из творческой истории баллады Пушкина «Жених» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 72–91; Кукулевич А.М. «Илиада» в переводе Н.И. Гнедича // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1939. № 33. Вып. 2. С. 5–70; *Кукулевич А.М.* Русская идиллия Н.И. Гнедича «Рыбаки» // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Л., 1939. № 46. Вып. 3. С. 284–320; *Орлов В.Н., Кукулевич А.М.* Гнедич // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 418–435.

Одним словом, никто сейчас не удивился бы, если подобная серия работ была подготовлена за 5–6 лет целым институтом. И что особенно важно: на всех этих работах нет печати ученичества, незрелости, неумения. Марк Константинович не просто следил за всеми этими работами или, как нынче принято говорить, «проталкивал» их. Он помогал своим ученикам разрабатывать планы будущих книг, приучал их к современным текстологическим правилам, помогал вырабатывать концепцию вводных статей и научного комментария. Он либо сам выступал редактором этих книг, либо вовлекал в эту работу ведущих сотрудников фольклорного сектора Института русской литературы АН СССР¹², который он создал и возглавлял (А.М. Астахову, Г.С. Виноградова, А.Н. Лозанову). Позже, я уверен, уже мало кто осознавал, что все эти книги были подготовлены студентами.

Мне приходит в голову единственная аналогия — семинар профессора В.Н. Перетца в Киевском университете в предреволюционные годы. Я говорю не о целой плеяде блестящих ученых, вышедших из этого семинара (В.П. Адрианова-Перетц, Н.К. Гудзий и др.), с которой нам трудно состязаться, а об интенсивности публикаций и уровне студенческих работ. Из киевского семинара вышли такие замечательные фольклористические книги, как «Русская сказка. История собирания и изучения» С.В. Савченко, «Заговоры» Н.Ф. Познанского и другие, вошедшие в историю русской науки¹³. В послевоенные годы нечто сходное происходило в семинаре Э.В. Померанцевой (сборники «Русский фольклор Башкирии», «Русский фольклор в Татарской АССР», «Русский фольклор Вологодской области»)¹⁴, но, если я не ошибаюсь, студенты в этом случае выступали преимущественно как собиратели, готовили группами отдельные разделы, а не самостоятельно целые

---

¹² В те годы Институт назывался Институтом литературы (ИЛИ).

¹³ См.: Семинарий русской филологии акад. В.Н. Перетца. 1907–1927. Л., 1929.

¹⁴ Более точные названия этих изданий: Русское народное творчество в Башкирии / Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук и Э.В. Померанцева. Уфа, 1957; Сказки и песни Вологодской области / Сост. С.И. Минц и Н.И. Савушкина; Ред. Э.В. Померанцева. Вологда, 1955. Под сборником по русскому фольклору Татарии, возможно, автор воспоминаний имеет в виду издание, отражающее материалы 1980-х годов, собранные в Татарстане: Фольклорные традиции современного села. М., 1990. Из фольклорного семинария Э.В. Померанцевой вышло также следующее издание: Песни и сказки Ярославской области / Сост. Л. Астафьева, В. Бондарь, Е. Вальтер, В. Велинская, В. Гацак, К. Дубровина, М. Кострова, В. Крупянская, С. Минц, М. Роговская, Н. Савушкина, Ю. Смирнов, А. Филатов и В. Шершавицкая; Ред. Э.В. Померанцева. Ярославль, 1958.

сборники. Но, как мы знаем, семинар Э.В. Померанцевой дал тоже целую когорту фольклористов, играющих ныне видную роль в развитии нашей науки.

Редактирование студенческих работ сотрудниками ИРЛИ не было случайностью. Фольклорный сектор ИРЛИ, семинар и кафедра русского фольклора ЛГУ составляли в эти годы единый организм. Дело, разумеется, не просто в том, что сектор и кафедру возглавлял М.К. Азадовский. Он был одним из признанных лидеров тогдашней фольклористики. Его лекции (особенно спецкурсы) привлекали сотрудников ИРЛИ, они были обычными посетителями заседаний кафедры, так же, как мы — студенты, ученики Марка Константиновича — заседаний сектора. Сектор шефствовал над фольклорным отделом Карельского научно-исследовательского института культуры, опустевшего после трагических событий 1937–1938 гг. Большинство наших экспедиций работали в Карелии, А.Н. Лозанова¹⁵ была постоянным сотрудником Карельского института, а старшие из наших студентов ей помогали. А.М. Астахова организовывала все, что касалось экспедиций в Карелию. Все перечисленные выше книги изданы под грифом этого института. После окончания университета А.Д. Соймонов¹⁶, Г.Н. Парилова, М.М. Михайлов, В.Р. Дмитриченко поехали работать в Петрозаводск (последний — в издательство редактором фольклорных изданий). М.К. Азадовский был участником первого съезда писателей Карелии, превратившейся в союзную республику. Собственно говоря, моя многолетняя работа в Карелии (1947–1961) была прямым продолжением этих связей, установившихся в предвоенные годы.

---

¹⁵ Александра Николаевна Лозанова (1896–1968) — фольклорист, специалист по устной словесности Разинского и Пугачевского восстаний. Научный сотрудник отдела фольклора времен его существования в Институте антропологии и этнографии АН СССР (1934–1939), а затем и в Пушкинском Доме (1939–1941; 1945–1958). В 1938 г. от Фольклорной комиссии Института этнографии АН СССР А.Н. Лозанова была откомандирована в Петрозаводск и стала руководителем созданной там фольклорной секции.

¹⁶ Алексей Дмитриевич Соймонов (1912–1995) — фольклорист, специалист по былинам и истории собрания П.В. Киреевского. В ноябре 1938 г., за несколько месяцев до получения диплома, сменил А.Н. Лозанову на должности заведующего фольклорной секцией в Карельском научно-исследовательском институте культуры. В Петрозаводске проработал до начала Великой Отечественной войны. В 1949–1978 гг. — научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Г.Н. Парилова — фольклорист, его жена.

И еще о кафедре русского фольклора. Она была фольклорным центром Ленинградского университета. На ее заседания приходили и читали доклады профессора и преподаватели других кафедр филологического факультета, интересовавшиеся проблемами фольклора (В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, В.Я. Пропп, Г.А. Гурковский, И.И. Толстой, И.М. Тронский, О.М. Фрейденберг, С.Я. Лурье, Д.К. Зеленин и др.). Бывали здесь Н.П. Андреев и П.И. Калецкий, читавшие курсы фольклора в пединституте им. А.И. Герцена. Эти доклады и дискуссии были для нас необычайно важны, они приобщали к высокой филологической культуре, традиционной для Петербургского — Ленинградского университета.

Кажется, М.К. Азадовский стал окончательно считать меня своим учеником после первой экспедиции и первого моего доклада. Экспедициям придавалось чрезвычайно важное значение. Наш учитель любил повторять: «Понять по-настоящему фольклор может только собиратель его» или: «Собиратель и исследователь должны совпадать в одном лице». Мы спрашивали: «А как же А.Н. Веселовский или в наши дни Н.П. Андреев?» (Позже можно было бы спросить: «А как же В.Я. Пропп?»). Марк Константинович отвечал: «Если бы они, кроме того, ездили в экспедиции, то были бы еще более значительными учеными!».

Первая моя экспедиция была в южную часть Пудожского района Карелии для записи былин для готовящегося сборника «Былины Пудожского края» и общего изучения репертуара. Это было лето 1938 г. В сентябре, выслушав предварительный рассказ о поездке, Марк Константинович велел мне готовиться к основательному отчету, который я, может быть, буду делать в ИРЛИ. Замысел этот тогда не реализовался (я выступал в ИРЛИ только после второй поездки), но мне пришлось основательно посидеть, чтобы разобраться в довольно многочисленных записях и экспедиционных заметках.

В 1938 г. я провел лето у Ивана Терентьевича Фофанова, записал от него 22 былины и привез множество интересных наблюдений. Дело, конечно, было не в какой-нибудь особенной моей собирательской изощренности, а в самом И.Т. Фофанове — замечательной личности и первоклассном исполнителе былин. О лете, проведенном у него, я уже рассказал в книге «Русские сказители Карелии»¹⁷, поэтому не буду повторяться. Я поехал к И.Т. Фофанову по идее Марка Константиновича, А.М. Астаховой и А.Д. Соймонова, уже работавшего над сборником «Былины Пудожского края». По первым записям от Фофанова (2–3 первые

---

¹⁷ См. в наст. изд. очерк «Иван Терентьевич Фофанов».

былины записала от него И.В. Ломакина-Лебедева) было видно, что это незаурядный мастер и что он знает гораздо больше. Попытка что-либо записать от него в дни фольклорной конференции в Петрозаводске¹⁸, куда он был приглашен среди прочих крупнейших исполнителей фольклора для выступления, кончилась неудачей. Поэтому решено было специально командировать меня к нему на месяц для длительного и спокойного домашнего общения. Ежедневные записи и беседы дали много нового. Особенно необычными были записи его рассказов о богатых, так сказать, вне былин, то есть его общих представлений о богатых и, наконец, «тайные» записи его ночных репетиций перед очередной дневной записью. Как я уже рассказывал, И.Т. Фофанов служил в это время сторожем нефтебазы МТС¹⁹ и дежурил по ночам. Мне удалось подслушать, а потом несколько раз записать, как он тренируется, пропевает отдельные отрывки былин, которые я на следующий день должен был записывать. Это помогло понять некоторые особенности его исполнительской манеры и, пожалуй, даже общий механизм запоминания и воспроизведения былин вообще. Возвращаясь из поездки, я мечтал об отдельной статье о Фофанове. Выслушав меня вместе с А.М. Астаховой, Марк Константинович сказал, что в этом году я наверняка буду отчитываться за экспедицию в ИРЛИ и, предваряя мой вопрос о статье, сказал, поглядывая на А.М. Астахову: «Надо начинать работу над книгой — сборником текстов Фофанова с хорошим предисловием и комментариями. Это, голубчик мой, открытие!». Анна Михайловна выразила полное согласие, и мы тут же договорились, что она будет приглядывать за моей работой, а потом редактировать книгу. Марк Константинович был весел, ласков, он весь светился от удовольствия — кажется, еще один ученик будет «на плаву», превратится из студента в ученого.

Мне хотелось рассказать об этом эпизоде потому, что он очень характерен для Марка Константиновича. Он поставил передо мной задачу, которая превзошла мою мечту, распахнул, в буквальном смысле этого слова, необыкновенно заманчивую перспективу. Я не помню, звучала ли в этот раз его любимая цитата из А. Мицкевича или нет, но это была одна из ситуаций, в которых он любил произносить:

---

¹⁸ Имеется в виду I Всекарельское совещание по вопросам языка, литературы и фольклора, состоявшееся летом 1938 г. На это совещание съехалось 20 русских и карельских сказителей. См.: *Лозанова А.Н.* Работа по фольклору в Карельской АССР // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1941. Вып. 7. С. 256.

¹⁹ МТС — машинно-тракторная станция.

Не по силам цели выбирай,
А по цели силы напрягай.

И дело не в том, удалось или не удалось выполнить этот смелый замысел — никто не мог «запланировать» войну и ее последствия, угадать, как будут складываться послевоенные дела и судьбы. Мне был преподан урок, как надо двигаться вперед, задумывать и строить свою научную биографию.

Припоминаю еще один эпизод, связанный с экспедициями и возвращениями из них, значительно менее приятный для меня. В 1940 г. снова предстояла поездка в Пудожский район, продолжение собирания былин для того же сборника — предполагавшегося и несостоявшегося второго тома²⁰. Экспедицию должен был возглавлять А.Д. Соймонов. Незадолго до нашего отъезда из Петрозаводска пришло сообщение, что можно увеличить число участников и организовать еще один отряд из трех человек. Было решено назначить меня начальником отряда и разрешить мне набрать еще двух человек по моему выбору (наши отряды всегда формировались с учетом дружеских отношений).

Я стал подбирать участников отряда и, к своему огорчению, убедился в том, что все члены кружка, с которыми мне хотелось бы поехать, уже «разобраны». Я поделился огорчением с моими ближайшими друзьями — студентом моего курса и тоже русистом Ю.М. Агулянским и студенткой германского отделения одним курсом младше нас (она позже стала моей женой) Б.Е. Марголис. Они мне посочувствовали, потом о чем-то пошептались и вдруг объявили, что хотели бы со мной поехать. Я не ожидал такого поворота дел, и мне показалось это невозможной затеей — они же не фольклористы! Потом меня эта идея начала увлекать, действительно, хорошо бы поехать с такими друзьями: они ведь тоже филологи (Ю.М. Агулянский даже слушал и сдал курс русского фольклора), их же можно еще в Ленинграде научить не очень хитрой технике записи, рассказать о методах работы с исполнителями. Перебрал в уме еще раз «свободных» членов кружка и объявил своим друзьям, что готов поговорить о них с М.К. Азадовским и А.Д. Соймоновым. Они встретили мое заявление довольно сурово, но снисходительно. Соймонов был знаком с моими друзьями, а Марк Константинович несколько иронически

---

²⁰ Имеется в виду задуманный, но несостоявшийся второй том издания: Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и прим. Г.Н. Париловой и А.Д. Соймонова; Предисл. А.М. Астаховой. Петрозаводск, 1941. К.В. Чистову в этом сборнике принадлежит подготовка записей от И.Т. Фофанова.

спросил: «Это что же — та девушка, с которой Вы всегда прогуливаетесь по коридору?». Помолчал, а потом сказал: «Ну что же, надеюсь, что Ваш отряд хорошо поработает...» или что-то в этом роде. Отряд наш работал хорошо, но на пути обратно мы потеряли битком набитый портфель с записями, который был водружен вместе с нашими рюкзаками на телегу. По дороге доски днища разошлись, и портфель соскользнул на дорогу. Я обомлел — мне сразу представились одна за другой несколько пренеприятнейших сцен: как я буду объяснять все это начальнику экспедиции (мы, правда, с ним виделись только-только на Купецком озере и рассказывали ему о своих записях, но он их не читал), как я буду отчитываться и объясняться в Карельском институте и, самое главное, конечно, как я смогу смотреть в глаза Марку Константиновичу. Поверит ли он, что произошла беда и что мы вернулись не из увеселительной поездки?

Слава богу, беда пронеслась мимо. Мы все, включая мальчишку, которому было поручено доставить нас к пристани Песчаное, кинулись назад и через несколько километров увидели тетюшку, которая несла ребенка. В другой руке у нее был наш портфель, а за юбку цеплялась девочка лет семи-восьми. Они нашли портфель и решили нести его до пристани.

Радость наша была безмерной, но ни о какой благодарности, кроме словесной, она не хотела и знать. В Карелии это было совершенно не принято. Я ее крепко обнял, но и этим она, кажется, была не очень довольна. Она не понимала, как можно было поступить иначе.

Итак, экспедиция закончилась вполне успешно. Мы возвратились в Ленинград, и я засел за сочинение отчета. Отчет должен был быть на заседании кружка; по совету Марка Константиновича я стал готовить статью для студенческого выпуска «Ученых записок филологического факультета ЛГУ», в которой давалось развернутое сопоставление результатов работы экспедиции братьев Соколовых в северную и северо-восточную часть Пудожского района Карелии с результатами нашей экспедиции (мы побывали в этих же местах через десяток лет). Обзорная статья Б.М. и Ю.М. Соколовых «A la recherche des bylines» («В поисках былины») была опубликована в известном французском славистическом журнале «Revue des études slaves»²¹.

²¹ Sokolov B. et J. A la recherche des bylines // Revue des études slaves. Paris, 1922. Т. 12. Р. 202–205. См. также: Соколов Ю.М. По следам Рыбникова и Гильфердинга // Художественный фольклор. М., 1927. Вып. 2–3. С. 34–58. Результатом этой экспедиции стал сборник: Онежские былины / Подбор былины и науч. ред. текстов Ю.М. Соколова; Подгот. текстов к печати, прим. и словарь В.И. Чичерова. М., 1948. Моя статья об экспедиции в Пудожский край в связи с началом войны опубликована не была.

Если экспедиции уезжали из Ленинграда разом, то Марк Константинович часто приходил проводить нас на вокзал. Это придавало отъезду некоторую торжественность, а всей экспедиции — значительность. Это было событие для каждого студента, для кафедры, для нашего учителя. Во время одного из таких провожаний мои родители познакомились с Марком Константиновичем. Я как сейчас помню этот день. Проводы закончились комическим эпизодом. Мама приготовила нам в дорогу обширнейший сверток с бутербродами. Когда поезд отправился и провожавшие стали по обычаю махать нам руками, желая счастливого пути, оказалось, что мама машет нам своим свертком. Это заметил Марк Константинович, и поезд и перрон огласились дружеским смехом. Этот эпизод тоже характерен.

Марк Константинович не был записным шутником или остро-словом. Тем более он не позволял себе шутками оживлять лекции, чтобы приобрести успех у студентов. Но он и в лекции, и в разговоры со студентами вносил всегда атмосферу легкости, бодрости, естественного веселья, какой бы серьезный вопрос ни обсуждался. Он любил говорить: «Скучные люди не должны заниматься наукой». Увлеченность, умение восхититься поэтической красотой текста, красотой отысканного факта, красотой стройной концепции — во всем этом и был источник его естественной веселости. (Г.А. Бялый вспоминал, как встретил Марка Константиновича в один из самых тяжелых для него послевоенных дней, когда порой казалось, что его навсегда вычеркнули из науки, и поразила его сияющей веселости. Оказалось, что Марк Константинович только что посмотрел хороший французский фильм и был объят эстетическим восторгом. Он повторял: «*Charmant, просто charmant!*».)

Разумеется, студенты и ученики М.К. Азадовского ездили в экспедиции не только в Карелию. И мне довелось участвовать в одной южно-русской экспедиции — на Дон и в Донбасс. Я вспоминаю об этом потому, что эта поездка связана с одним из своеобразнейших предвоенных учеников Марка Константиновича — Иваном Ивановичем Кравченко.

Надо сказать, что студенчество 30-х годов во многом отличалось от современного. Многим, если не большинству, предстояло стать интеллигенцией в первом поколении. Родители не получили образования не потому, что не хотели, а потому, что не могли учиться. Поэтому и они, и их дети всячески стремились получить образование. Сын или дочь с дипломом о высшем образовании были гордостью семьи, родственников, всей деревни. Сами же студенты очень определенно знали, что им надо и хочется учиться, ими владела, если можно так выразиться, «плебейская ярость»,

«плебейское упорство», жажда знаний. Это задавало тон всему студенчеству — учились напряженно и в охотку.

При такой общей атмосфере среди нас выделялся Иван Иванович Кравченко. Выходец из казачьей семьи, он очень рано должен был добывать хлеб собственным трудом. Был наборщиком в какой-то типографии в Сталинграде, потом, кажется, корректором, и учился заочно. В середине 30-х годов он увлекся донским фольклором — занятия фольклором в те годы вообще стали весьма популярными. Не было журнала или газеты, которые не публиковали бы из номера в номер фольклорные материалы. Постоянно цитировался доклад Максима Горького на I съезде писателей. Вышел том «Творчество народов СССР»²². Областные и центральные издательства выпускали фольклорные сборники десятками. Несомненно, в этом движении (оглядываясь назад, мы теперь это видим) было много наносного, случайного, конъюнктурного. Печатались не только добротные исследования, хорошие грамотные популярные статьи, но и поверхностные, риторические сочинения — дань моде и общественной ситуации. И все же в целом это был период бурного развития фольклористики, ее «серебряный век», если «золотым веком» считать время взлета фольклористики в середине XIX в. и в начале его второй половины. Оба периода, кроме многочисленных исследований, оставили целую серию фольклорных сборников, ныне ставших уже классическими (кстати, среди них нужно назвать уже упоминавшиеся сборники Новикова, Соймонова и Париловой, Михайлова).

Качество сборников, издававшихся в областных издательствах, было весьма различным. Добротно собранные и хорошо изданные тут же обращали на себя внимание. О них писали в центральной прессе.

И.И. Кравченко в 1935–1937 гг. издал два хороших сборника донских песен и один сборник частушек²³. Почувствовав в нем способного фольклориста, Марк Константинович предложил ему поступить в аспирантуру кафедры русского фольклора Ленинградского университета.

Марк Константинович был увлечен Иваном Кравченко и всем образом его жизни. Именно он был самым ярким носителем «плебейской ярости», невиданным даже для тогдашнего филологического факультета. Кравченко, глубоко потрясенный количеством

---

²² Имеется в виду издание: Творчество народов СССР / Под ред. А.М. Горького, Л.З. Мехлиса и А.И. Стецкого. М., 1937. Сборник с произведениями советской направленности был издан к 20-летию Октябрьской революции.

²³ См. прим. 12 к главе «Университет».

книг, обнаруженным им в крупнейших ленинградских библиотеках, на первых порах стал очень разбрасываться. Список работ, который предлагался аспирантам, казался ему ничтожно кратким. Но вот он побывал дома у Марка Константиновича и с восторгом потоптался у стеллажей домашней библиотеки Азадовского — она была действительно обширной. Ему представилось, что он, наконец, обрел цель вполне достижимую: перечитать все книги в библиотеке Марка Константиновича. Марку Константиновичу это тоже показалось увлекательным, хотя и несколько наивным. Он вспоминал рассказ Н.А. Тэффи, героиня которого получала образование по энциклопедии Брокгауза и Эфрона (она уже знала, кто такой Байрон, но не слышала о Шекспире). Рассказывая о том, какие у Ивана установились отношения с его библиотекой, Азадовский говорил нам не без иронии: «Разве вы умеете читать? Возьмете две-три книжки и читаете неделю. А Кравченко приходит ко мне с веревкой и говорит: “Можно я возьму эту полку?”».

Кравченко таков был и в быту. Вернее, никакого быта у него не было. Помню, как во время нашей совместной экспедиции он не расставался с томом Э. Тэйлора «Первобытная культура». Он заменял ему подставку для листов, на которых записывались песни. Когда мы шли из села на хутор и в степи делали пятнадцатиминутный привал, том Тэйлора немедленно раскрывался, и Кравченко углублялся в чтение. Я шутя говорил, что мы путешествуем втроем.

После возвращения в Ленинград я рассказал об этом и о том, как Кравченко пел вместе с исполнителями донские песни. Марк Константинович был очень доволен. Его ученик оправдывал ожидания.

К сожалению, Иван Иванович Кравченко не вернулся с фронта; он очень коротко поработал в фольклористике, не успев достичь зрелости ученого, который в нем угадывался. И все же его донские сборники, статья о фольклоре в творчестве Шолохова, о Джангаре, серия рецензий на самые различные издания, посмертно изданная статья об украинской несказочной прозе — все это, написанное и изданное за пять предвоенных лет, оставило свой след в нашей фольклористике. Но вместе с тем не будем преувеличивать. Его диссертация «Эстетические представления народных певцов и сказителей», написанная как бы в продолжение известного трактата Чернышевского, которую я не успел прочитать перед войной, в послевоенные годы (она хранится в Фундаментальной библиотеке ЛГУ) показалась мне работой ученической, хотя и весьма добросовестной. Видимо, за теоретические исследования ему браться было еще рано.

Я вспомнил обо всем этом не только ради памяти И.И. Кравченко — он ее, несомненно, достоин. Он был одним из самых любимых предвоенных учеников Марка Константиновича, и о нем до сих пор, к сожалению, ничего не написано.

История аспирантуры Кравченко мне представляется очень характерной — Марк Константинович не только приглядывался к студентам, но и творил из них своих учеников. Он «нашел» Кравченко в Сталинграде и вовлек его в деятельность своей кафедры и своего семинара.

Этот эпизод может показаться в масштабах деятельности Марка Константиновича не столь значительным. Он был одним из признанных лидеров тогдашней фольклористики: к нему приходили и приезжали десятки фольклористов из всех уголков страны, переписка его была поразительно широка. Кравченко мало известен в этой связи, однако его ученичество у Марка Константиновича, его темперамент были явлениями незаурядными и весьма характерными.

В июне 1941 г. мы снова собирались в Карелию. Сдали экзамены и готовили рюкзаки. Были уже куплены билеты до Петрозаводска. Но их пришлось продать — началась война. Все стало тревожным и неопределенным.

Когда экзамены были сданы, я как «белобилетник» вместе со мне подобными отправился на строительство резервного аэродрома за Сиверскую под деревню Даймище. Однако я пробыл там недолго. В Даймище приехал факультетский комсомольский секретарь Сергей Максимов и предложил некоторым из нас поступить в партизанскую школу, чтобы потом составить студенческий партизанский батальон, который — это нас особенно поразило — должен был действовать на территории Ленинградской области. Так близко был враг!

Короткие недели учебы — и вот мы накануне отправки через фронт. Когда это произойдет, мы, разумеется, не знаем и не должны знать. Нам дали короткий отпуск — всего на пару часов. Я помчался на Витебский вокзал и поездом в Пушкин (Детское Село) проститься с матерью. А потом в Институт русской литературы к Марку Константиновичу. Мы с ним молча посидели на скамье в вестибюле Пушкинского Дома. Потом расцеловались (впервые в жизни). Мне надо было спешить.

Четыре долгих года Ленинград и все, что с ним было связано, только смутно припоминались. А там в это время шла своя тяжелая жизнь. Началась блокада, обстрелы, бомбежки, потом голод. Марк Константинович не смог сразу же эвакуироваться вместе с

другими сотрудниками академических учреждений²⁴. Его сын был грудным, а жена Лидия Владимировна была нездорова.

Незадолго до эвакуации моя жена встретила Марка Константиновича и поделилась с ним печальным известием — считалось, что я погиб. Как она мне рассказывала, он не мог удержаться от слез. Дело, конечно, не в какой-то моей особенной ценности. Потеря каждого ученика была для Марка Константиновича трагическим событием. Вспомним посвящение «Истории русской фольклористики», вспомним беспримерную публикацию — «Письма молодых фольклористов»²⁵, составленную из фронтовых писем учеников, продолжавших свои фольклорные наблюдения в тяжелые годы войны.

В послевоенные годы и уже после кончины Марка Константиновича Л.В. Азадовская, так много сделавшая для публикации его работ, по той или иной причине не увидевших свет при его жизни, опубликовала письма, написанные во время войны. В одном из них (10 сентября 1942 года) можно прочитать: «Встреча с вами, первыми моими учениками, сыграла роль своеобразного целительного бальзама. Ведь не успели мы с вами даже поближе познакомиться, а уже возник фольклорный кружок, уже появилась первая группа энтузиастов-фольклористов, из которых ведь только одна Лида Лотман несколько отошла, да и то непрестанно возвращается, работая в своей области близкие темы, а затем ваша экспедиция, бюллетень, поездки в Карелию... Для меня это было больше, чем организационный успех; это было полное излечение, это было полное возвращение веры в себя и в свои силы»²⁶.

Это письмо совершенно поразительно. Как настоящий учитель, Марк Константинович не только много давал нам, он видел в своих учениках источник своей силы, веры в науку, возможность осуществления новых замыслов, открытия новой перспективы.

Наше общение продолжалось и в послевоенные годы. Радостная встреча после демобилизации, послевоенный семинар, трагические годы, которые за этим последовали, и многое другое — все это достойно подробного рассказа. Надеюсь, что я еще сумею к этому вернуться.

---

²⁴ М.К. Азадовский был эвакуирован из блокадного Ленинграда в марте 1942 г. Ему было предложено остаться в Москве, но ученый решил уехать с семьей в родной для него Иркутск, где и оставался почти до самого окончания войны.

²⁵ См.: *Азадовский М.К. Письма молодых фольклористов // Новая Сибирь: Альманах. Иркутск, 1945. Кн. 15. С. 73–79.*

²⁶ Письмо В.В. Чистову см. в сб.: *Из истории русской фольклористики. Л., 1981. С. 215.* См. также: Там же. С. 210–211. См. также письмо В.И. Чичерова (17 февраля 1942 г.), хранящееся в архиве Государственного литературного музея.